

РЕНЕССАНС

НОВЫЙ



1/2010

Дорогие наши читатели и читательницы,

вы держите в руках первый номер культурно-публицистического журнала «Новый Ренессанс», учрежденный Международной Гильдией Писателей.

Что же такое Ренессанс?

Возрождение или Ренессанс – эпоха в истории культуры Европы, пришедшая на смену культуре Средних веков и предшествующая культуре Нового времени.

Отличительная черта эпохи Возрождения – светский характер и ее интерес, в первую очередь, к человеку и его деятельности. Эпоха Возрождения «нуждалась в титанах и породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

Как тогда, так и сегодня человек снова пытается быть творцом красоты и свободным странником, желающим увидеть и ощутить окружающий мир, он снова готов к открытиям и смелым решениям. «Новый Ренессанс» намерен содействовать благим человеческим намерениям и вновь, и вновь прославлять гармоничную, свободную, творческую и всесторонне развитую личность.

Эпоха Возрождения явилась величайшим прогрессивным переворотом из всех пережитых до того времени человечеством.

«Новый Ренессанс» – современный культурный переворот!

Задача «Нового Ренессанса» – соответствовать проблематике нынешней эпохи, быть органом «модернистическим» в положительном смысле этого слова. В период понижения уровня культуры, падения культурных ценностей, когда в противовес им обнаруживается господство массовых аффектов и элементарных, упрощенных мыслей, «Новый Ренессанс» ставит перед собой цель – бороться за качество духовной культуры и продвигать культуру в массы.

Журнал «Новый Ренессанс» выходит 4 раза в год, в Германии.

Члены МГП получают его бесплатно. Для всех остальных, желающих получить наш журнал, возможна подписка по заявкам. На счет подписки обращайтесь в секретариат МГП по адресу: postmaster@schriftstellergilde.org

Мы будем рады пополнению рядов наших читателей – современными, думающими людьми с активной жизненной позицией.

Если у вас есть материалы по профилю данного журнала, и вы хотели бы их предложить редакции, присылайте в секретариат.

Авторский экземпляр вышлем на ваш адрес.

Подробности о МГП можно посмотреть на сайте:

SCHRIFTSTELLER GILDE.ORG



«МЫ СТРОИМ РУССКИЙ ФУТУРИЗМ!»
 ПОД ТАКИМ ДЕВИЗОМ СЕГОДНЯ
 ЖИВУТ, РАБОТАЮТ И ТВОРЯТ
 СОВРЕМЕННЫЕ ФУТУРИСТЫ
 ИЛИ ТОЧНЕЕ НЕОФУТУРИСТЫ,
 ВЕДЬ ИМЕННО ТАК ОНИ СЕБЯ
 НАЗЫВАЮТ.

ЗАТМЕ

«С наступлением 2010-го года мы потеряли терпение. Мы не можем больше видеть литературные руины, которые с каждым днем уходят все дальше от нас из-за тех людей, которые осмелились назваться «поэтами», не имея за душой ни частички этого великого слова. Сегодня неофутуристы провозглашают: Мы берем бразды правления в свои руки. Это – НАШ ВЕК!»

Мы ведем разговор с одним из основателей неофутуристического движения в Москве Кириллом Тремаскиным. (Краткая справка: Кирилл Тремаскин родился в 1984 году. В 2009 году окончил МГАФК – московскую государственную академию физической культуры. С 2008 года посвятил себя творчеству. Был участником международного фестиваля литературы и искусства «Русский Stil-2008» в Германии. В апреле 2009 года выпустил первый сборник стихов «Записки». В том же году был принят в Русский Литературный Клуб и вместе с Игорем Малининым организовал «Клуб Неофутуристов им. Д.Д. Бурлюка». В 2010 году принят в ряды членов МГП – Международную Гильдию Писателей).

– Кирилл, давайте пойдём с начала: что такое неофутуризм?

К.Т. – Неофутуризм – направление в искусстве XXI века, предполагающее создание новых культурных достояний и ценностей, разрушающих стереотипы и традиции прошлых лет. Основывается на понятии «футуризм», которое было введено в XX веке; но, в отличие от предшественников, неофутуристы признают значимость в мировой культуре героев и выдающихся личностей предыдущих эпох, руко-

водствуясь решением Владимира Маяковского в свое время вернуть А.С. Пушкина на палубу «Корабля современности». Несколько афоризмов/двустийшии/лозунгов также повлияли на формирование направления неофутуризма, например: «Мир рушится – культура остается», «Язык культуры понятен каждому», «Кто лезет "пузом на рожон", навряд ли трезв он, и умен».

На мой взгляд, хороший ответ на этот вопрос дал Игорь Малинин:

«...Футуризм – такое явление, которое не может существовать вечно, ведь оно подразумевает взгляд вперед, в будущее, но невозможно же все время строить le futur, не правда ли? Когда-нибудь все равно придется прекратить это дело: по причине достижения этой цели или по причине провала идей и планов. Футуризм – это, если позволите, мессия. Футуризм приходит, когда видит, что людям нужна помощь. Давить на чувства, строить образы и заваливать читателя метафорами можно всегда; а вот показать, что есть еще лучик света в облачном небе, есть просека в темном лесу – это задача временная. Но очень сложная. Поэтому мы, неофутуристы, считающие сегодняшнюю эпоху упадочной, готовы приложить все усилия, чтобы переживающим за завтрашний день людям было спокойно. Мы – проводники, а труд наш – меж столетий мост.»

Чтобы нашим читателям стало еще более понятно, мы поясним, что футуризм (от лат. futurum – будущее) – общее название художественных авангардистских движений 1910-х – начала 1920-х гг. XX в.

Малевиц



В России первыми футуристами стали художники братья Бурлюки. Давид Бурлюк основал в своем имении колонию футуристов «Гилея». Ему удалось сплотить вокруг себя самые разные и яркие индивидуумы: Маяковского, Хлебникова, Крученых, Лившица и множество других.

Судьба многих русских футуристов оказалась трагична. Одни были расстреляны, другие отправлены в ссылку. Выживших обрекли на забвение. Только единицам удалось, несмотря на опалу, сохранить статус признанных писателей и дожить до преклонных лет.

Между тем «Футуризм» породил множество отличных от него направлений и школ: «Имаженизм» Есенина и Мариенгофа; «Конструктивизм» Сельвинского, Луговского; «Эго-футуризм» Северянина; «Будетлянство» Хлебникова, ОБЭРИУ Хармса, Введенского, Заболоцкого, Олейникова. И, наконец, «ничевоков», так ничего и не создавших.

Автором понятия «Футуризм» и основоположником направления стал итальянский поэт Филиппо Маринетти. Уже само название подразумевало в себе культ будущего и дискриминацию прошлого вместе с настоящим. В 1909 году в одной из парижских газет появилась статья Маринетти «Манифест футуризма». Манифест был написан для молодых итальянских художников. Цитата: «Самые старые среди нас – тридцатилетние, за 10 лет мы должны выполнить свою задачу, пока не придет новое поколение и не выбросит нас в корзину для мусора...».

В своем манифесте Маринетти провозглашал «телеграфный стиль», что в частности положило начало еще и минимализму: отказу от традиционной грамматики, словотворчеству, скорости и ритму.

Если взглянуть на футуристические произведения, то сразу бросаются в глаза слова, освобожденные от жестких рамок синтаксических периодов, от пут логических связей. Они свободно располагаются в пространстве страницы, отвергая нормативы линейного письма и образуя декоративные арабески или разыгрывая драматические сцены, построенные по аналогии между формой буквы и какой-либо фигурой реальности.

Учитывая общественно-политическую ситуацию в России, зерна футуризма упали на благодатную почву. Именно выше описанная составляющая нового течения была, прежде всего, с энтузиазмом воспринята русскими кубофутуристами в предреволюционные годы. Для большинства из них «программные опусы» были важнее самого творчества.

Русские авангардисты начала века вошли в историю культуры как новаторы, совершившие переворот в мировом искусстве. Футуристы, кубофутуристы и эгофутуристы, сциентисты и супрематисты, лучисты и будетляне, всеки и ничевоки поразили воображение публики. Они оказались провозвестниками современных «художественных стратегий» – то есть умения не только создавать талантливые произведения, но и находить самые удачные пути для привлечения внимания публики и меценатов.

В прессе футуристов часто обвиняли в корыстолюбии. Однако в своей основе русский футуризм был все же течением преимущественно поэтическим: в манифестах футуристов речь шла о реформе слова, поэзии, культуры. Конечно, многие поэты-футуристы, выступающие со сцены, старались любыми возможными способами эпатировать публику. Они проводили вечера, которые обычно заканчивались горячими спорами с публикой и переходившими в драки.

Скандалы поэты-футуристы устраивали разные, варьирувавшиеся от озорно-театральных выходок до банального хулиганства. Например, живописец Михаил Ларионов не раз подвергался аресту и штрафам за безобразия во время так называемых «публичных диспутов», где он щедро раздавал оплеухи несогласным с ним оппонентам, кидался в них пюпитром или настольной лампой.

Очень скоро слова «футурист» и «хулиган» для тогдашней публики стали синонимами. Пресса с восторгом следила за «подвигами» творцов нового искусства, что способствовало их известности в широких кругах населения.

И снова вернемся к неофутуристам.

– Скажите, Кирилл, как вы в сегодняшнее время собираетесь продвигать свои идеи?

К.Т. – Методы продвижения начала двадцатого столетия уже не помогут достучаться до душ и сердец обывателей. Остается идти от обратного: стать тоньше, пронизательнее, заставить читателя размышлять. Назревает новая, эстетическая пощечина общественному вкусу.

В круге часа

*Посвящается отмене
часовых поясов*

Я с земли
снимаю
пояса,
Пространство
временем
объединяю.
В круге
часа
Все больше
народов
по Курантам
проживает.

Посвящение Монстрации¹ и Де-МонСтрации

О,
сколько радости
заложено
в весне.
О,
сколько юности
в открывшейся
дороге.
От политики
освобождаемся
в мечте,
И ловим кайф,
об
асфальт
сбивая
ноги.

Стрела времени

*Восстановлению фрагментов
Сталинского гимна на станциях
Московского метро*

Тоннели.
Шпалы.
Рельсы.
Метры
жизней
В металлической
обертке.
Мчатся
стрелой,
Соединяя
промежутки
Времени и станций,
С элементами
Советских
декламаций.

Дождь в Москве

В главной Российской столице –
Великой нашей Москве,
потом покрытые лица
мечтают о летнем дожде.

И вот сгущаются тучи
над раскаленной Москвой.
Не пробивается лучик
светом над головой.

Начинается дождь.

Он стучит
все сильнее
по окнам и крышам.
На улицах,
люди
Раскрывают зонты
И прячутся,
как кошки и мышки,
Под Каменный
и прочие мосты.

И вдруг!
Радуга
по небу
раскинулась,
над городом.
Крыши
домов
заплясали хороводами,
Сбрасывая воду,
после
дождя.
СвЕтел народ.
Мир, как дитя,
радуясь радуге
После дождя.

СТИХИ К ТРЕМАСКИНА

К.Т. – В заключение хочу сказать: никогда не останавливайтесь на достигнутом, всегда идите вперед. Здоровья вам, творческих побед и, конечно, взаимопонимания в семье.

Беседовала Л. Баумгартен

¹ Монстрация – модное молодежное движение, основным лозунгом (целью) которого является «Искусство без политики».

КОГДА ДУША ПОЕТ.



«...МГП – первое литературное общество, которое приняло меня в свою семью...».

(О. Лидке)

У нас в гостях поэтесса и художница Ольга Лидке (творческий псевдоним – Лидия Шерли).

– Оля, пару слов, откуда вы родом, кто ваши родители?

– Я родилась в Алтайском крае. Отца не помню и ничего о нем сказать не могу. А мама и бабушка – украинские немцы. В 1942 году, когда фашисты оккупировали Украину, их угнали на работы в Германию. Позднее маму этапировали в австрийский лагерь для пленных. А уже после войны, когда родные вернулись домой, в 1947 году советское правительство выслало нашу семью в Сибирь, где я и родилась.

– Скажите, Оля, а когда первый раз вы почувствовали, что можете выражать чувства и мысли в лирической форме?

– Первый мой стихотворный опус прозвучал на публике, когда я училась в восьмом классе. Впрочем, желание говорить не обыденно, а краси-

во, у меня было сизмальства. Мне нравилось играть словами, придумывать и погружаться в необычный мир, отличный от реального. О своих детских фантазиях я рассказывала бабушке Устине. На что она мне отвечала: «Ну, Ольга, ты снова брешешь». А я в то время даже и не подзревала, что в мире существуют сказки. По тогдашним соображениям я была первооткрывателем неведомого мне жанра.

Тяга к придумыванию небывалых историй, скорее всего, передалась мне от бабы Усти. Долгими зимними вечерами она рассказывала истории, как представлялось мне, из ее собственной жизни. Обычно вечер у русской печи начинался так: «Ну сидай, дитка, и слухай, чего я тебе буду сегодня брехать».

– Вы записывали свои первые произведения, читали родным и близким – какова была их реакция на то, что в семье растет талантливый ребенок?

– Свои вирши я стала записывать

еще в шестом классе. К сожалению, в 90-е годы три моих тетради были сожжены, и позднее стихи пришлось восстанавливать по памяти.

Школьные друзья знали о моем творчестве и порой в шутку называли артисткой. Ну а дома... бывало я, замечтавшись, начинала говорить в рифму, тогда мама, думая, что у меня не все в порядке с головой, заявляла, что мне надо лечиться. И только бабушке я благодарна за поддержку и понимание. Она частенько говаривала: «Ты, Ольга, ну как тот Микола с Украины».

Она не раз вспоминала давнего знакомого Миколу, который умел звонко петь, да еще и на домбре играть. А я нет-нет, да и начну собственные стихи напевать. И выходила у меня полноценная песня. Правда, пела я чаще не родным и близким, а когда оставалась одна. Убегала в степь или в лес. Там я находила покой и умиротворение. А моими слушателями становились деревья и птицы.



– Однажды вы мне обмолвились, что в детстве недополучили любви и семейной теплоты. Почему?

– Почему? Сказать сложно. Тому может быть много причин: возможно, трудная жизнь украинских немцев, а может быть, душевная пустота женщины, которая была моей матерью. За все годы, проведенные в отчем доме, я ни разу не ощутила ее материнской заботы.

И хотя моя судьба сложилась не просто, все-таки я не могу сказать, что не была счастливой. Помню, как то в детстве, целое лето мы с бабушкой пасли коров, и мне даже доверили лошадь. Вот это было чудно! Я могла каждый день галопом носиться по бескрайней степи. А еще мне нравилось слушать пение жаворонков и быть наедине с природой. Я была счастлива и тогда, когда первый раз по-настоящему полюбила. Правда, из-за моей тогдашней нищеты и скромности с любовью пришлось расстаться. Хотя те первые светлые чувства несусь с собою по жизни до сих пор.

Я счастлива, потому что у меня есть дети. Сын и две дочери. Когда-то я поверила, что и меня наконец-то полюбили. Вышла замуж. Но вместо ожидаемого благополучия в семейной жизни, мне предстояла борьба за счастье детей. Борьба против алкоголизма мужа. О моем творчестве он не хотел слышать. А однажды нашел

мои тетради и сжег их. Как результат – развод.

– Оля, я знаю, что вы не только слагаете рифмы, но еще и рисуете. Как и когда появилась на свет ваша первая картина?

– Первые рисунки я делала на стенах землянки, где мы жили, куском обгорелой древесины. А первая картина «Сенокосные луга» была мною написана в 7 классе. Долгое время она даже висела в школьном вестибюле.

– Есть такая категория авторов, которые считают, что если они создали произведение, то этим как бы удовлетворили свою потребность к творчеству. Таких авторов устраивает, что их творения никто так и не увидит. Ваше мнение на сей счет – стоит ли прятать от чужих глаз свои работы или все-таки нужно с ними знакомить окружающих?

– Что за солдат, который не мечтает стать генералом? Что за художник, если прячет свое творчество? Мое мнение – красоту надо дарить людям.

– Какие темы преобладают в ваших произведениях сегодня, когда и где состоялось первое знакомство заграничной публики с вашим творчеством?

– Оказавшись в Германии, я стала больше уделять внимания своему творчеству. У меня для этого появи-

лись и время, и возможности. Мне нравится эта страна, и я пишу о ней, о природе и народе. Бывает, вспоминаю и родные места. Сочиняю о любви и женской красоте. Пытаюсь писать музыкально и легко, чтобы слова запоминались. Стараюсь быть актуальной и не прячу героев под маску.

Первые вернисажи состоялись в Германии в 2007 году. В 2008 году я участвовала в выставке картин ко дню открытых дверей достопримечательностей. В 2009 году состоялась презентация сборника стихов «Вдохновение» с моим участием. В 2010 году – вторая презентация следующего сборника, и снова с моим участием. В прошлом году я выпустила книгу стихов «Ранние росы». А в этом году мои произведения попали в сборник стихов от издательства stella.ru «Имя твоё – женщина!».

– А как вы относитесь к критике?

– К критике отношусь положительно. После хорошей конструктивной критики, ты понимаешь свои ошибки, а это значит, что можно еще раз, зашучив рукава, взяться за работу. Любой из нас должен расти над собой, совершенствоваться в творчестве. Но если у тебя нет возможности услышать мнение со стороны, причем не только положительное, но и критическое, ты так и не постигнешь по какому пути тебе идти дальше. Где есть твои «больные места», а что уже получается хорошо. Для повышения творческой планки существуют различные мастер-классы, творческие семинары, фестивали литературы и искусства. Получить в свое время профессиональное литературное или художественное образование мне было проблематично. Но зато сегодня я полна рвения и одержимости для дальнейшего самообразования.

– Оля, не так давно вы стали членом МГП, скажите, что вам это дало?

– МГП – первое литературное общество, которое приняло меня в свою семью. Человек вообще, а в особенности человек творческий, должен ощущать, что он не один. Что есть товарищеское плечо, которое в трудную минуту поддержит. Что есть коллеги, которые выслушают тебя и дадут советы. Писательская гильдия – это мой сегодняшний творческий дом. Дом, где тепло и уютно, где меня поддерживают и понимают.



СТИХИ О. ЛИДКЕ

Память костров

Я тихо стояла у рамы
И глотала свежий поток,
А тучи, как старые раны,
Покрыли звездный платок.

Клубятся серые дали
Под ночной прохладой ветров,
Но, устав от старой морали,
Разжигаю память костров.

Они пылали, лицо обжигая,
В далеком детстве моем,
Горели, судьбу догоняя,
Поздним осенним огнем.

Оставлю я серые думы
И, распахнув створки окна,
Весны шепотливые шумы
Приму я душою сполна.

Беседовала Л. Баумгартен

Суть жизни

Берегите любовь – она свята
Один раз дана на земле,
Потеряешь – не будет возврата,
Жизнь навеки утонет во мгле.

И разменять ее очень просто,
Но вновь невозможно найти,
Всегда ей дано свое место,
Она не ждет на легком пути.

Берегите любовь словно око,
Лишь она укажет вам путь,
В то счастливое ваше далеко,
Где жизни находится суть.



СОН РАЗУМА?

Фильм
НИКИТЫ МИХАЛКОВА



ПРЕДСТОЯНИЕ ★ ЦИТАДЕЛЬ
[УТОМЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ II]

Фильм Н. Михалкова «Утомленные солнцем-2» (УС) – премьера в самом Кремлевском Дворце съездов – вызвал отклики в интернете, процентов на 90 – отрицательные. Столь редкое единодушие можно вполне охарактеризовать словом «скандал», если бы премьера фильма не была приурочена к юбилею Победы. А этот праздник требует сдержанности в выражениях.

Ограничусь освещением одного аспекта в творческом методе Михалкова, наиболее выпукло продемонстрированного в его последней работе.

Давно известно, что кинематограф развивается по двум направлениям: – «аттракционно-развлекательному» и «реалистическому».

Первый особо укоренился в США, где расцвел, как ярмарочное действо для непритворливой публики. Второй, – в Европе и России, где произрос из театральных и литературных традиций. Советское кино на себе испытало все прелести вульгарной политизации, но крепкий литературный сценарий, четкая жанровая принадлежность, серьезность в подборе актеров, костюмов и интерьеров – все то, что называется «профессионализмом», всегда были его доминантой.

Искусство вообще и киноискусство в частности есть имитация жизни и демонстрация наших представлений о ней; граница между выше обозна-

ченными направлениями проходит по степени камуфляжа этой имитации.

В одном случае это игра в игру, в другом – игра, мимикрирующая под реальность. Не случайно реалисты-перфекционисты собирают соответствующие предметы и используют их для воссоздания в кадре подлинного духа эпохи. Конечно, СВОЙ профессионализм выработало и развлекательное направление. Вопрос о том, возможно ли применение этих приемов в сопредельной кинематографической традиции, – является, по моему мнению, наиболее болезненным в современном кино.

Решиться пройти некой объединительной дорогой, и при этом затронуть зрительские эмоции, по силам только мастеру с опытом и вкусом. Тем более – берясь за военную тему. Увы... В данном случае – нарастающая агрессия одной киносистемы по отношению к другой.

Начну с того, что мой просмотр продолжался где-то до тридцатой минуты. Потом просто надоело. Это притом, что являюсь человеком всеядным и готов читать-смотреть много всего, что отнюдь не приносит ни удовольствия, ни пользы. Хотя бы ради ответа: зачем выпущен на рынок этот продукт?



Что касается фильмов Никиты Михалкова, то ответ стал проглядываться еще с давнего фильма «Очи черные» и далее, и далее... до сего дня.

Звучит этот ответ так: «Хочу понравиться в Европах и Америках ЛЮБЫМ способом, а эстетические предпочтения сограждан вторичны».

Из-под псевдо-патриотической мишуры проглядывает Голливуд, отнюдь не в лучших, а в самых примитивных проявлениях; и именно этими приемами автор пользуется совершенно откровенно, оставив за ненадобностью всю российско-советскую культурную традицию. Пусть наивных не обманывают расписные самовары и кокошники из «Сибирского цирюльника» или лихие цыгане из фильма в фильм. Этот товар в стиле «à la Russe» съедобен только для иностранцев.

В арсенале автора «Обломова» достаточно ИНДИВИДУАЛЬНЫХ средств, кои принесли ему заслуженную известность. Когда-то режиссер приглашал нас побродить по дворянской усадьбе, насладиться первозданностью людей и природы, сопереживать героям саги о любви и дружбе. Но лет 20 как все это забыто. Талант ли стал угасать? Или закулисные разговоры о Рустаме Хамдамове, как источнике «творческих находок» молодого Михалкова не беспочвенны? То знать нам не обязательно, важен результат. И он не в нашу пользу.

Может, зазорно желать призов и наград? Зазорно творчески обогащаться от других культур?

Вспомним оscarоносный фильм «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова. Почему понравился в Голливуде? Потому что через тернии – к осуществлению великой американской мечты. Героиня в борьбе с обстоятельствами получает и карьеру, и любовь. Но разве это не великая позднесоветская мечта?! Мы узнавали самих себя, провинциалов, стремящихся наверх, к благополучию и любви. Общечеловеческая тема. Но решена она апробированными отечественным кинематографом приемами, на совет-

ском материале, вполне экзотичном для иностранцев. Получилось удачно и без заемных киданий чаплиновскими тортами.

Торт я не случайно помянул. С него и начинается УС-2. Мордой в торт! Да еще кого! Во сне персонаж Михалкова самого Сталина – и в крем!!! Круто!

Творческое развитие американского приема. В пресноватой российской культуре такого торта не найти.

Не найти?

Замечательный писатель Юрий Трифонов. Эпизод из романа о 30-ых годах XX века. Пролетарский парнишка в гостях у одноклассника, сына советского бонзы. Семья угощается тортом. Хозяйка брезгливо ковыряет кусок и велит домработнице его унести: торт несвежий. Мысли недоуменного гостя примерно такие:

«Как торт может быть несвежим? У нас дома покупают торт только на праздник, и всей семьей съедают до крошки».

Микросценка, а в ней вся правда про декларированное равенство в сталинском государстве. Кому другому требуется сто томов накатать или эпопеи наснимать, а Трифонов обошелся без этого. Его в свое время Генрих Бёлль – звезда немецкой литературы, на Нобелевскую премию выдвигал, но Трифонов скоропостижно скончался. (К сожалению, премию не дают посмертно).

Значит и без тортовывазывания за граница оценивает?

Словом, уже на первых пяти минутах просмотр УС-2 можно было прекратить. Для научной добросовестности продолжил еще минут 25. Исторических нелепостей – еще на одну статью, но с меня и киноприемов достаточно, да еще каких: из боевичков, триллерчиков и голозадых комедий (в буквальном смысле слова).

При совмещении низкопробного приема с исторической несуразницей, автору удаются вещи вполне за гранью профессии.

Вот репрессированный военный, защитник отечества, а ныне ЗК Котов (Актер Н. Михалков). Вместо потерянной кисти руки у него протез, да не простой, а с выдвигаемыми лезвиями. Ну и в каком советском лагере можно было изготовить и легально носить на себе столь изощренное холодное оружие? Это вам исторический аспект. А про заемно-кинематографический вы и сами мне расскажите. Вспомнили? Полусотня железоруких киноубийц.

В середине 90-ых в России выпущен был детектив, где преступник использует перчатку-кинжал из арсенала средневекового рыцаря. События происходят после войны, убийца имел доступ к трофеям, вывезенным из музеев Германии. Заезженный прием использован к месту, авторы фильма позаботились и об истории, и о достоверности деталей. Их фамилии я не запомнил. Теперь, оказывается, стоит запоминать тех, кто просто подтверждает свой институтский диплом.

Конечно, никакое международное киножюри в лагерном советском быте копать не будет, а подмигивания на голливудский манер должно воспринять положительно, однозначно. «Ребята, я же свой!».

Мы дошли в обзоре до шестой минуты фильма. Можно и далее разбирать каждый эпизод, да жалко и свое, и ваше время.

В прежние годы советский кинематограф блистал игрой актеров в ансамбле, где хоровод кинозвезд являл вполне космическую гармонию. Увы, привлечение звезд в эту картину мало что изменило. В киноэпосе (а претензии именно такие; каков рекламный слоган: «Великое кино о великой войне»?!), так вот, в киноэпосе за актерские спины не спрячешься, чужой гений убожество замысла не спасет. Яви себя! И явил...

Казалось бы, сделал режиссер неудачный фильм (всякой проходной кинопродукции на рынке пруд пруди), почему же такой вал критики?

К сожалению, Михалков давно уже не просто режиссер. Он лицо кругом официальное, особо доверенное, сверхпубличное. Тут очередные противоречия, но уже не в творчестве, а в личности Михалко-

ва. Позиционируя себя, как яркого антисталиниста, он в общественной жизни имитирует сталинских назначенцев на роль кинематографического «вождя», что железной рукой должен руководить кинопроцессом.

Не будучи посвящен в нюансы внутрицеховых дрызг, сторонний наблюдатель, живущий в отнюдь не тоталитарную эпоху, вправе отвергнуть столь архаичную линию поведения, и желает соответствия реальных творческих достижений со временем мелькания данной персоны на всяческих трибунах.

Папа Михалкова басни писал, разоблачал низкопоклонство перед Западом. Строка про космополитов, которые едят русский хлеб и русское сало, в пятидесятые годы широко разошлась в народе и произносилась с ухмылочкой, с намеком на всяких там «в шляпе и очках». История тоже любит ухмыляться. Но на этот раз с ней в унисон посмеяться не хочется.

Российская культура, пусть и задыхающаяся от безденежья, заслуживает уважительного к себе отношения. К сожалению, этого уважения от оберрежиссера она вряд ли дождется. Михалков ведет свою кинолинию, и признанием отечественных современников не озабочен. Тут уж должны вымереть ветераны войны, а также их дети и внуки. Ведь последние еще видели страшные раны на телах своих дедов, еще просыпались от кошмаров после вечеров-воспоминаний. Этим поколениям не «оценить» кинематографический «junk food». Только – потомки...

Кстати, о потомках. Пусть наши эмигрантские дети смотрят фильмы о войне, созданные Элемом Климовым, Ларисой Шепитько, Алексеем Германом, Петром Тодоровским, Григорием Чухраем и другими мастерами. Это кино о муках и подвигах никогда не потеряет свою силу; это кино для мира и для нас.

Леонид Ватник

У нас в гостях художник-иллюстратор из Украины Наташа Синегина.



– Наташа, вы получили диплом с отличием по профилю медицинского работника. Значит ли это, что медицина вам все-таки нравилась? Если бы была обратная ситуация, вряд ли диплом был с отличием?

– Да, вы правы, мне нравилось изучать медицину. Огромный поток новой информации просто захватил меня. И я была уверена, то, что открывает мне тайны человеческой природы, станет смыслом моей жизни. Ведь проникать в неизвестное – это довольно увлекательно. Но позже выяснилось, что в практической медицине как раз романтики мне и не хватило. И если бы я не занималась творчеством с детства, и тяга к нему уже не кипела во мне, то кто знает, может, ушла бы в археологию...

– Вы мне говорили, что выбор на медицину пал, так как того требовали семейные традиции. Расскажите подробнее об этих традициях.

– В моей семье, по линии отца, довольно много родственников посвятили себя и свою жизнь медицине.

ПЛАСТИЛИНОВЫЕ ЧУДЕСА



Бабушка – терапевт и дедушка – хирург были довольно известными и уважаемыми в городе специалистами. Быть медиком, считалось благородным делом для умного и образованного человека, и поэтому, вполне естественно, что с ранних лет во мне развилось уважение к профессии. Дань этому уважению – годы, проведенные в стенах Alma Mater.

– Сказывается ли на вашем творчестве то, что вы медик по образованию? Может быть, лепите для души скелеты, черепа или иные части человеческого тела?

– Конечно, у меня полный шкаф скелетов! А вообще медицинское образование мне помогло в университете на занятиях по пластической анатомии, рисунку и живописи. Ведь довольно трудно, не совсем представляя, ЧТО находится внутри, пропорционально и правильно изобразить человеческое тело. Поэтому мне было много проще, чем моим коллегам по мольберту. Да дело и не только в знании анатомии. Ведь медики, в большинстве своем, хорошие психологи, как и художники, впрочем. И здесь одно несомненно помогает другому, усиливая восприятие мира и соответственно эмоциональный окрас произведения.

– И вот вы пришли к «пластилиновой живописи». Как это получилось? Почему именно пластилин?

– «Пластилиновая живопись» – название, родившееся само собой. Я только 2-ой год ею занимаюсь. До этого была практика классического рисунка, живописи маслом, декоративно-прикладного

искусства и даже немного скульптуры. То есть я обожаю не только рисовать, но и делать разные объемные вещи. И вот знаете, все приходит в свой черед, когда у меня уже было достаточно опыта в этих областях, появилась идея создавать объемные картины и иллюстрации из пластилина, то есть совмещать живопись и скульптуру. Пластилин – это довольно хрупкий материал, его пластичность является одновременно и плюсом, и минусом. Это искусство на грани. И чем более оно нестабильно, тем с большим трепетом к нему подходишь.

– Вас пригласили участвовать в арт-программе «TO BE FREE». Кто пригласил, как это получилось?

– Хочется верить, что жизнь – это сочетание счастливых случайностей. Моя знакомая позвала меня принять участие в этом фестивале. Она занимается организацией различных арт-проектов, и вот в прошлом году ей пришла идея соединить в одной программе творческую молодежь из различных направлений искусства. Модельеры, художники и фотографы составили список участников арт-программы «TO BE FREE», целью которой было показать, что культурная жизнь нашего города находится на стадии рассвета и имеет под собой мощную основу в лице талантливой молодежи. После этого было организовано еще два подобных фестиваля с аналогичным названием. В них я также принимала участие. Скорее всего, именно эти мероприятия и повлияли на окончательное формирование моего стиля.



– *Есть ли у вас кумиры?*

– Кумиров у меня нет. Есть масса талантливых людей, творчеством которых я интересуюсь. Это и художники, и музыканты. Музыка вообще занимает очень важное место в моей жизни. Она создает фон и настроение для моих произведений.

– *Были ли какие-то казусные ситуации в вашей творческой жизни?*

– Да, таких ситуаций было множество! Жизнь настолько переполнена интересными событиями, и везде хочется успеть. Иногда приходится совмещать отдых с друзьями и творческий процесс. И вот однажды, выбравшись на пикник, я взяла с собой деревянные планшеты – заготовки для будущих картин (т.к. сроки до выставки были очень сжаты). Но употребить их по прямому назначению не получилось. Искусство здесь буквально послужило людям, так как стало и навесом от дождя, и средством для раздувания костра. Это были всего лишь планшеты, а взамен них новые эмоции и вдохновение!

– *Совсем недавно вы закончили работу над иллюстрациями для детской энциклопедии. Кто выпускает эту книгу. Как завязалось ваше содружество: они вас нашли, или вы их?*

– Это была детская энциклопедия Ольги Кувыкиной «Вокруг света». Еще одна фантастическая по-

ведь «Последний эльф», к которой я делала обложку, находится сейчас на стадии предпечатной подготовки. Выпускает обе эти книги Издательский Дом Мещерякова, г. Москва. Я сама, опять же по счастливой случайности, нашла их, и мы очень довольны плодотворным сотрудничеством.

– *Как относятся к вашему увлечению родные? Понимают, что это серьезно?*

– Люди, которые мне близки, конечно, уважают мой выбор и каждый раз, что особенно приятно, восхищаются новыми работами. Без их поддержки я, как человек достаточно впечатлительный, наверное, не смогла бы проделать весь этот путь.

– *Ваше самое большое желание?*

– Иметь неограниченные возможности для реализации бесконечного количества своих идей.

– *Что вы пожелаете читателям нашего журнала?*

– Верить в себя! Верить в то, что если вы для чего-то предназначены, то обязательно к этому придете, как не была бы извилиста ваша дорога! И верить в то, что жизнь – череда счастливых случайностей!

Беседовала Л. Баумгартен



РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

И все-таки, все-таки... А вдруг графомания? Вдруг насмешки, пинки, пощечины, смешки?... Кого из начинающих авторов не преследовал подобный ужас?

Графомания – слово-то какое! Какой же огромный заряд негативной энергии в него заложен. Графоман, наркоман, некрофил, педофил... Как органично входит оно в ряд жестоких слов-пощечин. А вот в Интернете журнал с названием «Графоман» появился. Мол, сидим тут в уголке, никого не трогаем, примус починяем. И слово это, мол, не такое уж плохое. Что ж тут плохого-то, любить писать? А уж «who is who», кто есть писатель, а кто графоман – пусть нас любезный читатель рассудит!

Да, знакомо. Высшей инстанцией является мнение читателей. «...Литература бывает только хорошей, а все прочее следовало бы называть макулатурой.». (Братья Стругацкие).

Только вот, оказывается, что в современном мире читателем, ой как хорошо, можно управлять. «Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а отношение к ним масс-медиа. Они в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, и не допустить к жизни великое и талантливое» (А. Зиновьев). То есть при наших очень развитых технологиях промывания мозгов запросто можно внедрить в массы любое мнение. Вот некоторые из них: «Русской литературы в Германии нет. Есть только русская графомания». «Фантастика, – это коммерческая литература и поэтому по сути своей графомания». А вот статья из Интернета: «Графы и графоманы». В ней утверждается, что наш классик, гордость русской литературы, Лев Толстой – графоман! «Я, – говорит автор, – не помню случая, чтобы хоть одна строка Льва Толстого заставила меня счастливо вздрогнуть и заметить от красоты слова».

Странные, ох и странные дела творятся в Великой Империи под названием Литература.

Почему же в ней такая жесткая нетерпимость, такой раздор и разногласие? Где тот парадный подъезд с суровым и строгим вахтером, пройдя который, начинающий автор оказывается на солнечной территории Литературы?

Не чуждый творческих амбиций и активного самовыражения посредством слова, я все-таки, по преимуществу, прилежный читатель. И вот с точки зрения читателя я и предпринял попытку разобраться, а что же есть, собственно, литература, почему в ней сложилась нынешняя ситуация, похожая на ожесточенное и кровавое сражение гладиаторов между собой, притом что зрители, почесываясь и зевая, потихоньку покидают полупустые трибуны.

Вместе с лингвистами заглянем в глубь веков. Язык представлял и представляет собой продукт социального общения весьма средних людей, говорят они. Он в своей сути оказывается как бы «параллельным» предметно-феноменальному миру, он – посредник, он – инструмент, он – медиатор всевозможных игр, из которых слагалась и слагается культура. На ранних стадиях культурогенеза, – говорит С. Лем, – мир был текстом, адресованным к человеку.

В сознании людей прошлого миф и реальность не разграничивались столь четко, как в умах наших современников. Нередко Слово объявлялось источником, а не следствием Дела.

Литература начиналась с мифа. Литература, в лице мифа, была товарищем человека в его усилиях понять мир, который не был построен в соответствии с логикой.

Слово с незапамятных времен являлось основным инструментом магии. И кому же, как не писателю, владеть магией слова?

«Писатель, – заявляет Ю. Зобнин, – de facto, оказался в глазах российской читательской аудитории, исполняющим обязанности духовного пастыря, проповедником, исповедником, пророком и мучеником, от которого ждали не столько удовлетворения эстетических переживаний, сколько руководства в духовной жизни, в буквальном смысле.»

«...Поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты.» (Диакон А. Кураев).

Литература всегда и представлялась для писателя религией с беспощадным и безжалостным божеством, вечно требующим крови. Занятие литературой, по этой логике, возможно только как беззаветное служение.

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне тебе я даю три завета.
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему безраздумно, бесцельно.

Осознавая себя жрецами свирепого божества, художники слова проникались религиозным экстазом, отождествляя себя с древними магами, силой своей воли управлявшими СЛОВОМ.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

(Н. Гумилев)

Почувствовав себя предназначенным для столь высокой миссии, художник слова проникался не только ответственностью, но и упивался своей значимостью:

Я – междумирок. Равен первым.
Я на собраньи знати – пэр...

(В. Брюсов)

Вот тут мне, как читателю, кажется, и кроется причина возникновения нынешней ситуации в литературе (по крайней мере той, что использует русский язык).

То странное состояние русской литературы возникло в результате того, что литература сейчас существует, именно, как религия, разодранная на великое множество различных сект и мистических лож. Так как «Мензура Зоила» – машина для измерения объективной ценности художественного произведения не создана и никогда, вероятно, создана не будет, идет борьба за места в творческой иерархии, за рейтинг.

Сектантские настроения и создают впечатление, что самая главная беда литературы – это наличие огромного полчища графоманов, нападающих на ее благородных рыцарей, признанных писателей. И самая главная, и самая святая обязанность жрецов от литературы – защитить ее от их злобных посягательств.

Но что же это такое на самом деле – графоман? Да попросту неумеха. Он подобен человеку, ни разу не державшему в руках иглу и вдруг решившему стать портным. Конечно, он исколет все пальцы, затратит преогромную массу времени и сошьет нечто ужасное, над которым все будут смеяться. Но мне-то – читателю, он совсем не враг. До меня его вещи не дойдут.

Другое дело здесь, на пространстве светлом и чистом, которое называется Великой Художественной Литературой. Как раз здесь читатель и обнаруживает произведения, которые не являясь графоманией, отнюдь не безобидны.

Для наглядности вернемся к примеру с искусством портного. Кто не покупал в свое время красивые и дешевые китайские вещи, которые носились только до первой стирки? Далее, может быть, вы, дорогой читатель, смотрели хоть однажды показ по телевизору экстравагантных моделей одежды. Ну тех, что их старых газет, рыбацких сетей и консервных банок.

Возьмем ряд книг, которые пользуются высоким рейтингом у критиков, так называемый – авангард. Создавать подобную литературу – это завоевывать все новые и новые области оригинальности.

Как считает С. Лем, произведения такого типа адресованы, прежде всего, специалистам-критикам, ищущим простор для широкомасштабного показа своей интеллектуальной эрудиции. Но для читателя они не интересны, подобно костюмам из старых газет и консервных банок.

И чтобы завоевать читателя, наиболее выдающиеся творцы модерна находят новые, достаточно оригинальные пути. Императив их творчества – «напасть и разрушить то, на что никто еще не додумался напасть». Не удивительно, что ожесточенный поиск еще не оскверненной чистоты неустанно продолжается.

Однако, как говорил философ Ф. Ницше: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

Под воздействием масс-культуры русский этнос, точнее – его активная часть, уже полностью потерял нравственно-этические ориентиры.

У Лема я нашел интересную мысль: «Если сталкиваются между собой слишком много инновационных предложений, культура подвергается распаду. Все, что в ней порождается, сразу же смывается волной очередных инноваций».

И мне кажется, что признаки распада культуры, в виде отдельных локусов, уже существуют. К примеру, некий господин, скрывающийся под псевдонимом Фима Жиганец, опубликовал перевод письма Татьяны к Онегину. Кто брезгливый, пропустите.

Я тусанула вам малевку;
Хуль тут еще соображать?
Теперь вы можете воровку
За делать нехер облажать.
Но вы, мою судьбу-кантовку
Не парафиня, не говня...

(Ф. Жиганец, Тираж 10000)

«Если речь человека насыщена отрицательными по смыслу словообразованиями, в молекулах ДНК начинает вырабатываться «отрицательная программа». Постепенно эти искажения становятся столь значительными, что видоизменяют структуру ДНК, и это передается потомкам. Накопление таких негативных качеств может быть названо «программой самоликвидации».» (В. Луговенко).

Как материалист я не верю в его теорию, но как человек, достаточно поживший, я и сам вижу, что некая черная магия слов, до предела насыщенных подлостью и злобой, льющаяся с экранов телевизоров, со страниц газет, журналов и вот теперь художественных книг, стремится включить программу хаоса. Только не в молекулах ДНК, а в тех областях, в которых слово, действительно, имеет силу. Это узлы, структуры и институты современного общества.

Ныне многие авторы, действительно владеющие словом и претендующие на то, чтобы войти в число классиков русской литературы, чересчур увлеклись «чернушностью», сделав предметом эстетизации, исключительно, социопатии. Они думают, что творят нечто великое, ту самую пресловутую «нетленку»... Можно согласиться с О. Уайльдом, что искусство отражает не жизнь, а зрителя (читателя). Но на самом деле, искусство не только отражает зрителя или читателя – оно его же и формирует. Закон обратной связи везде и всегда действует с железной неукоснительностью.

И мне как читателю кажется, что все это есть писательский брак, который много вреднее брака, называемого графоманией.

Теперь рассмотрим ширпотреб, ту самую халтуру, которая не является графоманией, так как ныне достига достаточно высокого качества, но не становится от этого безобидной. Самый читаемый и издаваемый ныне жанр – криминальный – настолько, насколько это только возможно, приблизил читателя к миру преступников, так что читатель постепенно начинает утрачивать понятие о том, что же есть Добро, а что Зло. Зачастую в этих произведениях приукрашиваются воровские подвиги, прославляются воровские законы и «доблестное» воровское поведение. Соблазнительными, привлекательными красками в них изображается романтика антимира, мира Зла. Даже более мягкое женское криминальное чтиво наполнено гнилью. В нем смакуется фартовая жизнь новых богатых. В голову читателя вдалбливается, что это хорошо. На роль же отрицательного героя назначаются маленькие «человечки» из народа, сыновья и дочери работяг и училки, отчаянно завидующие богатым «хорошим людям». Сочувствие к «маленькому человеку» исчезло из литературы.

Совместными усилиями творцы и маги слова приближают сатанинскую революцию Хаоса. Войдут ли лучшие романы «чернушников» в классику? Не войдут просто потому, что вводить их будет некому. Сук, называемый культурой, уже трещит. Каждый день в России исчезают две деревни. Согласно расчетам статистиков, при сохранении текущего уровня рождаемости к 2300 году в России будет жить всего лишь чуть больше миллиона человек. Однако в действительности ход событий никогда не согласуется с предсказаниями статистиков. Мне кажется, что Россия тонет стремительней. Да что там Россия, на наших глазах гибнет весь старый мир! Россия – просто крайний бастион западной культуры на востоке, который первым и падет. Русский язык исчезнет вместе с народом. Возможно, в чужих языках останутся крохи того, что когда-то называлось великой русской литературой.

В заключении, я как читатель, обращаюсь к писателям. Ко всем, кто владеет магией слова. Не гонитесь за крайностями, они не есть литература. Делайте Литературу! Ту, что способствует укреплению культуры, а не ее разрушению. Культуры, которая является стратегией разумных существ, целью которых является их выживание.

А в конце я хотел бы еще раз процитировать философа и писателя С. Лема: «Я не скрываю своего желания, чтобы литература и дальше выполняла познавательные функции; чтобы она не убегала от мира и не пряталась от него, чтобы не приукрашивала, внося в него мнимый порядок, но чтобы и не клеветала на него и не позорила его – но была бы его судьей или по крайней мере наблюдателем, то есть разумным свидетелем.»

Александр Василенко

к Сталину... Да, именно, к Сталину. Все его тогда боготворили. Меня советские войска спасли от гибели – гестапо охотилось за мной, а тут пришла свобода. Лишь спустя годы, горький вкус этой «свободы» я стала ощущать ежедневно.

Нельзя сказать, что Фаина Марковна жила отшельницей в Ленинграде. Ее приняли в профессиональный комитет драматургов, навещали ее представители польской общины в городе, к ней приходили музыканты и исполнители, заказывали новые песни.

Однажды позвонила ей Алла Баянова и пригласила на свой концерт в Октябрьском зале. Я представил себе, что творилось бы в зале, если б прославленная певица пригласила на сцену автора песни, которую она только что исполнила. Но Фаина Марковна на концерт не пошла: ступени этого концертного зала были слишком крутые для ее больных ног. И встреча автора песни с ее исполнителем так и не состоялась.

В один из дней 1991 года я позвонил по телефону в квартиру к Фаине Марковне. К телефону подошла сосед-

ка. Каким-то приглушенным голосом она спросила, кто звонит. А затем сказала, что Фаина Марковна ночью умерла, умерла тихо, заснув вечером и не проснувшись утром. Ее муж умер тремя месяцами раньше.

На похоронах Фаины Марковны было чуть больше десятка человек: члены Союза литераторов, соседи по квартире, несколько дальних родственников. Детей у нее не было.

Я не знаю, кому достался архив Фаины Марковны. У меня сохранились лишь ее членский билет с фотографией, подаренный ею клавиш с мелодией «У самовара...» с текстом, переведенным ею на английский язык, и газетная вырезка со статьей о ней, на полях которой Фаина Марковна написала: «Не забывают меня, Исай Моисеевич».

Что я и стараюсь делать.

Исай Шпицер

СВАДЕБНЫЙ МАРШ

29-го июля 1877 года в Байротском театре царил оживление. Шла генеральная репетиция «Лоэнгина». Через два дня должен был состояться спектакль, на котором ожидалось присутствие нескольких коронованных особ, что придавало генеральной репетиции особую торжественность – впрочем, не нарушающую общей строгой деловитости атмосферы.

Дирижировал, как обычно, Герман Леви. Вагнер сидел в пустом зале близко к сцене за небольшим, покрытым красным бархатом, столом. Перед ним лежала партитура, но он в нее не заглядывал – да в этом и не было нужды. Все было как нельзя лучше: и певцы, и оркестр были на высоте, звучание его удовлетворяло, и он вполне мог отдалиться своим мыслям, краем уха все же прислушиваясь к тому, что происходило на сцене, а время от времени и активно в это вслушиваясь.

...Да, все идет, действительно, хорошо, он может себе позволить и ненадолго отвлечься – почему бы нет? ...Нет, ну просто на удивление хорошо все сегодня идет, без запинки, ему не хочется совершенно ничего менять – а ведь уже почти конец второго акта. Ну, пожалуй, вот здесь не помешало бы немного больше пафоса – впрочем, нет, нет, лучше не трогать.



...Нет, этот самый Леви, что там ни говори, знает свое дело, чертовски хорошо знает! Правильно он, Вагнер, делает, что держится за Леви, пусть он и... – ну, да тут уж ничего не поделаешь. Вот и Козима ему постоянно говорит, что от Леви – да будь он хоть трижды этот... этот самый – ни в коем случае отказываться нельзя.

А эти ничтожества, это его так называемое патриотическое окружение, которое ему, Вагнеру, смеет еще советы давать, кто его операми дирижировать может, а кто нет, да еще при этом ему о его труде «Еврейство в музыке» напоминать, о том, что он там написал! Пусть тогда сами встанут и продирижируют – небось, кишка тонка!

Нет, он, Вагнер, сам может определять, кто еврей, а кто нет. Он, черт возьми, может себе это позволить! Да, может. И не только это. Он – на вершине славы! После Бетховена он и только он – никто другой – может о себе сказать с обоснованной гордостью, что он – истинно немецкий композитор.

Впрочем, почему, собственно, «после»? Не «после», а наравне – именно! Да, наравне!

Кто, как не он, Вагнер, сумел раскрыть душу этого народа, его романтичность, его мистическую возвышенность, неизбывную тоску по Граалю, его готовность жертвовать собой ради высоких идеалов, его ненависть к низменному, к деньгам, золоту, к презренным гешефтам! Он – король немецкой музыки, музыкальный пророк своего народа! Как это сказал Гаусс: «Я не король математиков, я – король математики». Хорошо сказал! То же самое может сказать о себе и он, Вагнер. Он, Вагнер, король музыки! И мир чувствует это!

Да, чувствует! Кого еще принимали с таким почетом коронованные особы? Или, может быть, Бисмарк, по горло занятый государственными делами, не его, Вагнера, пригласил к себе и беседовал с ним, не глядя на часы?..

Да, коронованные особы. А как он начинал – сколько нужды ему пришлось испытать! Эти ничтожные кредиторы, от которых ему пришлось спастись в Риге! Да и потом...

...Вот и с «Лознгрином»: не суждено было ему присутствовать на премьере! Скрываться вынужден был он – за участие в революции его объявили в розыск, и попадись он к ним тогда в лапы, его посадили бы в тюрьму. Он, Вагнер, просидел бы свои лучшие годы в тюрьме! В тюрьме! В то время как Мейерберы, Мендельсоны и иже с ними завоевывали бы одну позицию за другой.

Но судьба распорядилась по-иному...

Да, судьба распорядилась по-иному. Ибо ему, Вагнеру, предстояло выполнить высшее предназначение, стать пророком своего народа на долгие десятилетия, может быть, на века – да, да, да! – предстояло открыть этому народу глаза на его величие, на его героику. И – он, Вагнер, сделал это! Он...

На этом месте мысли Вагнера внезапно прервались, лицо его потемнело от гнева, и он услышал свой задыхающийся от ярости крик: «Стойте! Остановитесь немедленно, негодяи! Мерзавцы! Что вы играете?»

Оркестр еще продолжал по инерции играть несколько секунд – слова маэстро не сразу дошли до оркестровой ямы, и с головой ушедшего в партитуру Леви. Потом на момент прозвучало соло одинокой скрипки, как видно не

сразу воспринявшей жест дирижера, потом и она стыдливо смолкла.

Певцы остановились там, где их застал возглас Вагнера, и какое-то время оставались в тех же позах, потом, медленно, но оставаясь на своих местах, приняли вольную позицию и обратили свой взор на сидящего маэстро.

Наконец все смолкло, и в этой тишине раздался ледяной голос Вагнера: «Леви! Подойдите немедленно ко мне!»

Из ямы послышался шорох отодвигаемых в полутьме инструментов и нотных пультов – оркестранты, очевидно, обеспечивали дирижеру проход – и через минуту Леви стоял перед Вагнером.

– Леви, – обратился к нему маэстро, стараясь придать своему голосу мирный тон. – Что вы играете, Леви?

Совершенно озадаченный этим вопросом Леви не знал, что ответить, и промолчал.

– Ах, вот как! – голос Вагнера задрожал от возмущения. – Вы, значит, предпочитаете молчать? Или, может быть, все-таки скажете что-нибудь?

Леви, несколько оправившись от потрясения, но все еще не понимающий, что от него хотят, сказал неуверенно:

– Может быть, вам не понравился темп? Да, я в самом деле, взял сейчас несколько более быстрый темп, и в этом темпе духовые, возможно... – но тут он был решительно прерван.

– О каком к дьяволу темпе вы мне тут лепечете, Леви, о каких духовых? Вы что, с ума сошли, Леви? Или... или вы хотите опозорить меня на премьере?

– Я все же не понимаю вас, господин Вагнер, – произнес бледный, как полотно, Леви, стараясь придать своему голосу спокойное выражение.

– Ах, вы не понимаете? Вот как! Я спрашиваю вас в последний раз, Леви: что вы только сейчас играли? – спросил Вагнер с еле сдерживаемым бешенством в голосе.

– Что я сейчас играл? Вашу музыку, маэстро. Вашего «Лознгрин». Начало третьего акта, если вам будет угодно, – ответил Леви подчеркнуто холодным тоном. Этот допрос начал его все более раздражать.

– Свадебную церемонию... – хотел было продолжить он, но тут Вагнер так грохнул по столу кулаком, что стол двинулся вперед.

– Свадебную! – закричал он, уже не сдерживая своего бешенства. – Свадебную! Церемонию! – И вдруг, понизив голос до свистящего шепота, добавил: под свадебный марш Мендельсона! Мендельсона, Леви!!... Вы осмелились опоганить моего божественного «Лознгрин» музыкой этого... этого... – Вагнер задыхался, может быть, оттого, что ему было трудно сочетать бешенство со свистящим шепотом, а может быть, потому, что не мог подобрать для Мендельсона соответствующего моменту эпитета.

– И не смотрите на меня так, Леви, – продолжил Вагнер уже обычным и более спокойным голосом. – Не смотрите на меня так, как будто бы то, что я говорю, вам совершенно непонятно. Или вы думаете, что я... что я сошел с ума? Или у меня в мои шестьдесят четыре года так ослаб слух, что я уже не могу отличить мою музыку от музыки какого-то Мендельсона? Или... у меня начались галлюцинации?

– Я не понимаю вас, господин Вагнер, – произнес Леви, совершенно ошарашенный таким поворотом дела. – Я

могу только повторить, что мы начали сейчас третий акт «Лознгринга», свадебное...

– Ни слова больше, Леви! – вскричал Вагнер. – Ни слова больше! И я – я, наивный, утверждал вопреки всем, что вы преданы мне! Я утверждал всем, что вы – мой друг, и один раз даже обнял и расцеловал вас, Леви! Расцеловал! Вас! И вы платите мне за все такой черной неблагодарностью, – сказал Вагнер голосом, в котором ясно звучала патетическая печаль. – Ни слова больше, Леви! Кто у вас в оркестре сидит первой скрипкой?

– Рихард Штрайх, – господин Вагнер, – ответил Леви.

– Штрайх? Отлично! Рихард – еще лучше. Этот не подведет. Умеет он дирижировать?

– Да, – ответил Леви сухо.

– Хорошо. Поставьте его к пульту, и пусть он начинает третий акт. Прямо с начала. И соблаговолите потом остаться здесь со мной, чтобы я точно знал, что за пультом будет Штрайх, а не вы.

– Я понял вас, – ответил Леви, подошел к оркестровой яме, сказал коротко, – Штрайх, становитесь за дирижерский пульт и начинайте третий акт, – вернулся и остановился рядом со столом, за которым сидел Вагнер.

Начали третий акт. Но не прошло и минуты, как побледневший Вагнер закричал:

– Стойте! Остановитесь немедленно! Остановитесь сию же секунду!

Потом он обернулся к стоящему рядом Леви и спросил шепотом:

– Леви, вы слышите, Леви? Вы слышите, что они играют? Они опять играют этого проклятого Мендельсона! – потом он помолчал и добавил, испытующе глядя на Леви, – А ваш Штрайх, Леви, ...он случайно не... – Вагнер замаялся.

Леви ничего не ответил.

– Ага, – произнес Вагнер с несколько зловещей интонацией, – теперь я понимаю. Теперь я, кажется, понимаю все. Что ж – сейчас я сам встану за пульт, и тогда мы посмотрим!

Он встал, со стуком задвинул за собой стул и быстрыми шагами двинулся к оркестровой яме, откуда еще доносились разрозненные звуки: кто-то, почуяв возможный перерыв, упражнялся в гаммах, другие настраивали инструменты. Через несколько мгновений все стихло, и в этой тишине прозвучал четкий командный голос Вагнера: «Третий акт». Но не прошло и десяти секунд, как музыка смолкла, и в тишине стал явственно слышен шелест перелистываемых нот. Потом раздался грохот, и через несколько мгновений в зал выбежал Вагнер, в ярости размахивающий партитурой и кричащий: «Негодяи! Мерзавцы! Подлецы!»

Он подбежал к столу, что было сил, грохнул по нему партитурой, со стуком выдвинул стул, сел и, обхватив голову руками, спросил стоящего неподвижно, как соляной столб, Леви:

– Кто переписывал партии?

– Агентство Зильберман & Ко., – ответил Леви и продолжил: – И все же я позволю себе заметить...

– Агентство Зильберман & Ко., – медленно, тихо, со зловещей интонацией произнес Вагнер. – Теперь мне все понятно.

Потом он медленно, как бы с усилием, опустил руки, обернулся к Леви и сказал:

– Вызовите негодяя Зильбермана!

– Но в такой час, господин Вагнер! – в замешательстве произнес Леви.

– Час? – возмущенно прервал его Вагнер. – Час? О каком часе вы мне тут говорите, Леви? Если послезавтра на премьеру случится такое, тогда пробьет ваш час, Леви! Ваш час! Понимаете, ваш! – он помолчал и добавил с трагическим пафосом, – И мой, может быть, тоже!...

– В общем, через полчаса Зильберман должен быть здесь. Живой или мертвый, – сказал он сухо. – Впрочем, – тут он впервые позволил себе улыбнуться, – нет, конечно, живой. Мертвый он мне не нужен.

Не прошло и получаса как вырванный из своего вечернего покоя Зильберман стоял перед Вагнером.

– Скажите, Зильберман, сколько вам за это, – Вагнер, скривившись, указал на лежащую на столе, несколько пострадавшую от удара партитуру, – сколько вам за это заплатили?

– Заплатили? – переспросил Зильберман удивленно. – Мне еще ничего не заплатили, и я бы хотел воспользоваться случаем, чтобы напом...

– Момент, Зильберман! Воспользуйтесь потом! Значит, вы утверждаете, что вам за это, – Вагнер с жестом отращения показал на партитуру, – что вам за эту пачкотню не заплатили ничего?

Зильберман ошарашено посмотрел на Вагнера. – Вы... называете вашу музыку... Вы называете вашу музыку пачкотней, маэстро? Я не ослы... – начал он, но Вагнер прервал его вновь.

– Не притворяйтесь дурачком, Зильберман! Я знаю, что это сделали вы! Лично вы! Потому что это – квалифицированная работа. Да, да, это сделали вы! И конечно, по сговору с Мендельсоном! По сговору с Мендельсоном, Зильберман!

– Я совершенно не понимаю вас, господин Вагнер, о каком сговоре вы говорите. Да и потом: Мендельсон умер двадцать лет тому назад, – произнес вконец озадаченный Зильберман.

– Не ловите меня на слове, Зильберман, – отпарировал Вагнер. – Я не хуже вас знаю, когда умер Мендельсон. И не пытайтесь уйти от ответа.

– От какого ответа? – спросил глухо Зильберман.

– От такого. Вы – признайтесь, Зильберман, что это были именно вы! – расписывая оркестровые голоса моего «Лознгринга», вписали в третий акт вместо моей музыки «Свадебный Марш» Мендельсона. Мендельсона!.. А потом изменили под это и партитуру... Ну, так как, Зильберман, было это или нет? И не смотрите на меня так, будто бы я не знаю, что говорю. Вот наш уважаемый господин Леви тоже так на меня смотрел, да и, кажется, теперь еще смотрит. Убедитесь сами! – и Вагнер раскрыл перед изумленным Зильберманом партитуру.

Леви не подошел к партитуре, продолжая оставаться там же, где стоял, когда Зильберман вошел.

– Ну, что вы теперь скажете, Зильберман? – спросил Вагнер тихо.

– Господин Вагнер, – произнес Зильберман еле слышным шепотом. – Господин Вагнер, но здесь нет никакого марша Мендельсона. Все, что здесь есть – это ваша музыка, господин Вагнер. И я хотел бы только добавить, что честь моего агентства, моей фирмы... – но тут Леви сделал ему знак рукой, означавший, что он хотел бы остаться с Вагнером один на один, и Зильберман, не окончив, тихо удалился.

Вагнер непонимающе посмотрел ему вслед и хотел уже было что-то сказать, как внезапно услышал рядом с собой тихий голос: «Рихард, ты переутомился, ты устал. Тебе необходимо отдохнуть. Это просто необходимо».

Он в недоумении оглянулся на Леви.

Неужели он, Вагнер, дожил уже до того, что Леви говорит ему «ты»?

Но тот начал как-то постепенно исчезать, как бы растаивая в воздухе, и на месте Леви вдруг оказалась Козима, на месте театра – его любимая комната с роялем, а сам он сидел у стола над своим вновь изданным эссе «Еврейство в музыке», над которым он, похоже, и задремал.

Он посмотрел на часы: был час ночи.

– Послушай, – обратился он к Козиме, – а генеральная репетиция «Лознгрин» – она что, уже кончилась?

– Генеральная репетиция? Но ведь генеральная была вчера, – ответила Козима спокойно, – и причем тут «Лознгрин», репетировали «Кольцо Нибелунга». Все прошло блестяще – да ведь мы же были там вместе.

– Да, – произнес Вагнер задумчиво, – да, да, ты, конечно, права. А я сейчас, кажется, действительно, задремал. И представляешь, что мне приснилось? – и он рассказал жене свой сон.

– Что ж, в этом что-то есть, что-то символическое, – сказала медленно Козима. – Что-то, что еще раз говорит мне: ты был с этим, – она указала на лежащую на столе брошюру, – абсолютно прав. И я знаю: поколение за поколением будет тебе благодарно не только за твою музыку, но и за это. – она помолчала и добавила: – это останется навсегда! – и с любовью посмотрела на мужа.

– Может быть, – ответил он задумчиво. – Может быть.

* * *

Ну и история! И этому надо верить?! Этому?! Когда ни в одной биографии композитора Вагнера – ну, ни в одной же, даже в самой что ни на есть подробной, не то, что слова, а даже и намек на такое происшествие нет! Чтобы Вагнеру вдруг Мендельсон приснился – да такого не только что в сон в летнюю ночь, а и в самом страшном сне себе представить нельзя. Ну, а про то, как в его, Вагнера, музыку этот самый Мендельсон проник – тут уж совсем «стоп, машина!»

Нет, чушь вся история, сплошная чушь, и больше ничего! Быть такого не могло!

... А впрочем – кто его там знает?

Моисей Борода



НАША АСТРА

ПАМЯТИ МАРИНЫ МАНУЙЛОВОЙ



*«Ее улыбка согревала сердца,
жизнерадостность заставляла забыть
о заботах и невзгодах жизни.
Она умела любить и дружить.
Такой веселой, улыбчивой
и невероятно дружелюбной останется
она у нас в памяти. Да распахнутся
пред Мариной врата рая.
Светлая память ей... Светлого пути...».*
(Элизабет Тюдор)

Она родилась в Астрахани, более 20 лет прожила в Питере. Потом вместе с семьей переехала в Канаду (г. Торонто). Заботливая мама четырех детей и любящая жена, она находила время и для творчества, и для общественной работы. Именно в Торонто взошла звезда ее таланта, ярко блеснула на литературном небосклоне и... угасла. 27 июня 2009 года на 53-м году жизни после продолжительной болезни жизнерадостная и талантливая АСТРА ушла в мир иной.

За меня будут жить стихи

Если брошу писать стихи,
Рухнет мир, что внутри меня.
Добрый Ангел, мои грехи
С крыльев белых стряхнувший в Ад!
И грехи там мои сгорят,
И сама я... Душа-стихи
Будет вечно жить, говорят
Станут строчки мои читать,
И признают, что я – поэт,
С сожалением вздыхать,
Что на свете меня уж нет.
Жизнь коварно меняет суть.
Достучаться бы до глухих.
А тогда уж, не обессудь.
За меня будут жить стихи.

*Вмиг
зарифмуются
слова,
Биеньем сердца
в каждой строчке
Ритм отбивая:
я жила,
Жива
и буду жить –
и точка!*

В жизни Марины Мануйловой удивительно совпали любовь и творчество. Может, именно поэтому ее стихи – яркий поэтический калейдоскоп: сонеты, акrostихи, романсы, авторские песни, пародии, целые стихотворения-диалоги, импровизации, экспромты... И во всех ее произведениях живет женская душа, ее радости и страдания, боль и счастье, любовь и потери, юмор и самоирония. Марина и в жизни была такой же яркой, запоминающейся не только внешне, но и своими душевными качествами. Она была непревзойденной оптимисткой – **НАСТОЯЩЕЙ ЖЕНЩИНОЙ** с большой буквы.

Отдавая дань памяти талантливой поэтессе, Альянс русскоязычных женщин «Добродей», при поддержке родственников Марины, учредил специальную награду для женщин-поэтов «За талант и женственность в поэзии» имени Марины Мануйловой.

Е. Яхненко

МОЕ ПРИЗВАНИЕ – ФОТОГРАФ!

«КАМЕРА – ЭТО ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО ФИКСИРУЮЩИЙ АППАРАТ. ЭТО СРЕДСТВО, БЛАГОДАРЯ КОТОРОМУ МЫ СВЯЗЫВАЕМСЯ С ДРУГИМ МИРОМ».

ОСКАР УЭЛЛЕС



Paracas. Salvarse

Место съемки:

Peru, Paracas

*Очарование
самобытности природы
можно встретить
где угодно,
на любой клочке земли.
И любоваться ею
постоянно,
из раза в раз...*



Антон Соулев –
профессиональный фотограф.
Лауреат
и обладатель приза
зрительских симпатий
в номинации
«Поэзия в фотографии»,
осуществленного
в рамках Фестиваля
литературы и искусства
«Русский Stil-2009».
В 2010 г. звание лучшего
фотографа подтвердил
вторично.

Антон о себе: «Фотографией профессионально занимаюсь с 2003 г., но я всегда открыт для совершенствования, для чего-то нового и необычного. Никогда не ограничиваю себя рамками и условностями, каких в фотографии много, всегда экспериментирую. Специализируюсь на архитектурной, пейзажной фотографии и путешествиях».



Mira! El nos quiere fotografiar

Место съемки: Peru, Ollantaytambo

Удивляй и удивляйся! Посмотри глазами других людей, и может быть, ты увидишь совсем другую жизнь, по совсем другим правилам!



El destino ha disminuido es severo

Место съемки: Peru, Cusco

*И все-таки как же интересно наблюдать за чуждыми нам обычаями и традициями!
Можно веками наблюдать, не понимая сути происходящего, но все также любоваться.*

**ЖДЕМ ВАС И БУДЕМ РАДЫ ВСТРЕЧЕ
В ГЕРМАНИИ НА ЕЖЕГОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА**

«РУССКИЙ STIL»

Каждый год Фестиваль «Русский Stil» выбирает для своих акций разные города и страны. Фестиваль проходил в Дрездене и Штутгарте. Были организованы поездки в Париж и княжество Лихтенштейн. В 2009 году Фестиваль охватил территории Германии и Франции. Осень 2010 года ознаменуется мероприятиями на Боденском озере.

Что ж, доживем до сентября, именно тогда пройдут заключительные мероприятия Фестиваля. А пока заглянем за кулисы «Русского Stil-я» и поговорим с одним из организаторов Фестиваля Ладой Баумгартен.

– Фестиваль молод, но уже уверенно заявил о своем праве на существование. О нем говорят и пишут, его ругают и хвалят – значит, он не оставляет равнодушным.

– Нам расти, еще и расти... – улыбается собеседница. – А если серьезно, то мы рады, что Фестиваль «взрослеет», раздвигает рамки, обретает новых друзей. В этом году среди прочих партнеров с нами: International Guild of Writers, Конгресс Литераторов Украины и Альянс русскоязычных женщин «Добродея».





– *Поддержка – всегда хорошо, но основная работа все же ложится на плечи организаторов. Ведь Фестиваль – это не только его заключительные мероприятия, которые пройдут в сентябре.*

– К сожалению, многие думают именно так. А ведь сам Фестиваль стартовал в январе этого года, когда начался прием заявок на литературный конкурс и творческий – «Поэзия в фотографии». Литературный конкурс у нас проводится традиционно, а вот творческий – для фотохудожников – состоялся во второй раз.

– *Расскажите подробнее о конкурсах, номинациях и наградах.*

– Номинации литературного конкурса остались прежними, как и в предыдущие годы: поэзия, проза, публицистика и «Луч надежды» (Strahl der Hoffnung – произведения русскоязычных авторов на немецком языке). В этом году их дополнила еще одна номинация – «Молодые дарования».

Если говорить о призах для победителей, то их тоже прибавилось.

Но вначале о традиционном награждении. В каждой номинации утверждается три призовых места (I, II, III ступени). I-я ступень – победители получают главный приз Фестиваля – Литературного Оскара в своей номинации, медали, почетные грамоты и авторский экземпляр фестивального альманаха. II-я и III-я ступени – победителям вручаются медали, почетные грамоты и авторские экземпляры фестивального альманаха.

А теперь о сюрпризах. На фестивале в этот раз будут присуждаться два специальных приза:

– приз в номинации «Молодые дарования» имени Юрия Каплана (учрежден дочерью поэта);

– приз «За талант и женственность в поэзии!» имени Марины Мануйловой (учрежден Альянсом русскоязычных женщин ДОБРОДЕЯ и родственниками поэтессы).

Подробную информацию о Фестивале и наградах можно найти на сайте: russkijstil.ucoz.de

– *Осталось немного времени до старта «Русского Сти-я» в Германии. Я знаю, что в этом году вы ожидаете русскоязычных гостей не только из западной Европы, но и с простор бывшего СНГ. Какой будет программа этой встречи?*

– На Фестиваль мы приглашаем всех желающих. Это прекрасная возможность пообщаться, завести новые интересные и полезные знакомства, показать себя, раскрыть грани своего таланта. Согласитесь ведь одно дело читать тексты собратьев по перу, другое – слушать их, выступать самим, сопоставлять, обсуждать. Что может быть интереснее живого общения в неформальной обстановке. У нас каждый может стать участником презентации своего творчества, принять участие в Поэтри-Слэм – шоу бесстрашных поэтов, встретиться с издателями.

Наши заключительные мероприятия – это не только работа, но и отдых. За глаза нас не раз упрекали, что подобные Фестивали – не увеселительные мероприятия. Но согласитесь, если люди плодотворно поработали, то им просто необходимо и отдохнуть. Судя по опыту первых фестивальных лет, культурная программа пользуется не меньшей популярностью, чем рабочие мероприятия. Мы стараемся не повторяться из года в год, а всегда изыскиваем что-то новое. Связано это еще и с тем, что у нас уже сложилась команда постоянных участников Фестиваля. Некоторые из них приезжают за сотни, а порой и тысячи километров, и мы хотим, чтобы им тоже было интересно вместе с нами. Не буду раскрывать всех секретов, скажу только, что в этот раз наши мероприятия пройдут на территории Германии, Австрии и Швейцарии. Мы постараемся сделать все для того, чтобы у участников остались наилучшие впечатления о фестивальных днях. Еще раз повторюсь, на Фестиваль может приехать каждый, кому близко творчество и литература. Участникам Фестиваля организаторы высылают официальные приглашения в Германию.

Беседовала Е. Яхненко

Учредитель:

Международная Гильдия Писателей

Издатель:

© Издательство «stella.ru»

Германия — Tel: +49(0)70314282498

E-mail: lnbg@ya.ru

<http://stella.ucoz.de>

Редакционный совет:

С. Куропатов

В. Точилин

Дизайн:

В. Цветков

Ответственный секретарь:

Л. Баумгартен

Рекламный отдел:

Тел. +49(0)70314282498

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

За содержание рекламных объявлений редакция ответственности не несет. Все права защищены.

ISBN



9 783941 953123